

люди искусства

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

Ю. РЫБАКОВ

Большой творческий успех — а именно так нужно оценить работу Александра Калыгина над образом Ленина в спектакле МХАТ им. М. Горького «Так победим!» — придает новое значение предыдущим работам: резкая световая разграничивает случайное и значительное в художественной биографии артиста.

Александр Калыгин может многое. Может для роли в легкомедийном телефильме «Здравствуйте, я ваша тетя» найти чаплинский отблеск, может сыграть почти стандартного мелкого мерзавца из прошлого или нынешнего хапугу и тоже запомнится неожиданной деталью, интонацией, ритмом. Но эти роли останутся всего лишь на уровне хорошей профессии.

Александр Калыгин-актер начинается там, где кончается профессия и начинается человек, где внутренний мир его образов требует своего взгляда на жизнь, где через все случайности сюжета, режиссерских решений и операторских ракурсов пробивается современный человек с его сложным комплексом нравственных убеждений, с его жадной изживать несовершенное и радеть о правде. Он обладает редкой способностью играть не фобулу, а нечто за ней стоящее, не слова, а мысли. Он даже из самых, казалось бы, незначительных сюжетов извлекает актерски серьезное сопряжение правды характера и правды времени.

Он не сразу нашел свою театральную пристань. Теперь Александр Калыгин — артист Художественного театра, который дал ему чувство ансамбля, единения в деле, неслучайность репертуара, опору для творческой позиции. Он ушел из Театра драмы и комедии на Таганке и не остался в Театре им. М. Н. Ермоловой, хотя именно там получил возможность сыграть моноспектакль «Записки сумасшедшего», что сделало его известным в профессиональной среде и показало истинную меру его дарования. Герой Гоголя явился и первым героем Калыгина-художника. Тут он нашел обостренно тонкое чувство разлада между мечтой и реальностью, идеалом и прозой жизни. Он перевел это ощущение в душевное состояние, начисто лишив умозрительности. Для Поприщина дисгармония мира стала причиной дисгармонии души, исторической и социальной выразилось в единой судьбе жалкого чиновника.

Обычно «чувство конфликта» приписывают только драматургу, ну еще отчасти режиссеру, который должен этот конфликт понять и выразить в возможно полной мере. Александр Калыгин убеждает, что это обостренное ощущение дисгармонии в жизни и в душе человека свойственно и артисту. В лучших ролях у него всегда есть своя драматургия, идущая параллельно авторской и режиссерской.

Следователь в фильме азербайджанского режиссера Р. Оджагова «Допрос» искал не улики, но высшей истины. Он сострадал последнему как жертве злых сил, стоящих за его спиной, его стойкость рождала у следователя личную ярость. Долгие паузы и тяжелые глаза давали понять, что следователь внутренне ставит себя на его место и понимает, как страшна мера безжалостности. Следователь пережил драму подсудимого, роль

вышла за рамки детективного сюжета и превратилась в нравственно убежденную личность, способную понять жизнь другого и сострадать ему.

Роль кинорежиссера в фильме «Раба любви» Н. Михалкова, у которого А. Калыгин сыграл почти во всех фильмах, невелика и в сюжете второстепенна, почти декоративна. Но из нее Александр Калыгин извлек и внутреннюю драму человека, помогая сделать художественно объемным весь строй талантливого фильма.

Лучшие создания Александра Калыгина пронизаны светом сострадательного добра, с которым актер идет на встречу с человеком-героем. Он никогда не торопится осудить, а сначала желает понять и готов многое простить человеку. Дух доброго расположения к людям витает и над Поприциным, пропityвает Платонова из фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино», Никола Букеева из картины «Преждевременный человек», которая открыла Александра Калыгина для кино. Всех этих героев артист чувствовал в драматических связях с историей, которая не всегда добра к отдельному человеку, а он так нуждается в сострадании, утешении и искреннем понимании запросов его души. Александр Калыгин ценит эту нравственную задачу искусства. Там, где это сочувствие не находится, где актер по своей или режиссерской воле побойлся его выявить, на роль ляжет тень неудачи, неполного попадания, хотя, казалось бы, роль завидная и глубокая, как, например, роль Тригорина в чеховской «Чайке».

Добрый и понимающий взгляд артиста распространяется и на малодостойных, в сущности, героев вроде Полуорова из спектакля МХАТ (затем и телефильма) «Старый Новый год» М. Рощина, с прозорливостью таланта предвидевшего опасность эгоизма и бездуховности, когда о ней еще не так тревожно писала пресса.

Александр Калыгин был занят в программных спектаклях О. Ефремова — «Протокол одного заседания» и «Мы, нижеподписавшиеся». В последнем он сыграл главную роль — роль диспетчера СМУ Лени Шиндина, человека, одержимого идеей защитить хорошего человека ради того, чтобы процветало дело. В производственном сюжете актер разглядел драму гражданского человека, натолкнувшегося на неожиданное препятствие. Человек отнюдь не слабый, не белоручка и не прекраснодушный мечтатель, он на миг теряет уверенность в себе и в справедливости. Актер заканчивает роль грозной интонацией человека, который не уйдет и будет бороться до конца, что бы там ни было и кто бы ни просил его отступить. Ему отступать некуда. Безжалостно сдирая с Лени наивные маски удачливого малого, ловкого делателя и своего парня, артист обнажил лицо мужающей личности.

Искусство Александра Калыгина рождает героев. Его Платонов из «Неоконченной пьесы для механического пианино» выявил скрытые краски его дарования, чеховский материал потребовал нескучного богатства и личностного отношения: лирики, иронии, сарказма над собой, перед собой, сложнейшие переходы от тихой задумчивости

к несдерживаемой и грубой злости и, наконец, к почти поприщенскому отчаянию человека, так трагикомически попытавшегося убежать от самого себя. В характере Платонова воплощена чеховская (а возможно, и всей русской классической литературы) мысль о духовной потребности человека в самоочищении, в покаянном обнажении души, чтобы хотя бы так защитить и сохранить свои непоколебимые идеалы.

«Тартюф» — важное дополнение к актерскому стилю Александра Калыгина, пришедшее по боковой, но важной дорожке яркой театральности, смелой актерской импровизации. Комедийный дар актера получил тут серьезную опору в классическом тексте и плотной режиссерской основе (режиссер А. Эфрос). Его Оргон — это фейерверк веселых актерских красок, забавный гротеск, смелая до грани фарса стилистика рисунка, а внутри смешная и чуть-чуть грустная история славного человека, который ошибся в выборе морального лидера, учителя жизни. В этом комедийном характере, может быть, недостает глубины (хотя очевидно, что ее режиссер и не искал), но есть цельность и точное жанровое решение, трагикомедия приобрела здесь оттенок фарса.

Современное богатство артистических средств и несуетная забота о психологической основе роли соединены в искусстве Александра Калыгина с острой и ответственной мыслью человека, безразличного к проблемам времени и бытия человека в нем.

После спектакля «Так победим!» можно увидеть логику формирования художественного стиля Александра Калыгина, последовательность в обогащении его творчества реальными жизненными и психологическими наблюдениями.

Он создает образ Ленина, опираясь на весь накопленный им опыт актера психологической школы, на все разнообразие актерских красок, которыми владеет с виртуозной свободой.

Талантливые предшественники определили высокую художественную меру в подходе к воплощению образа Ленина. Александр Калыгин предлагает столь же значительный, но иной по историческому принципу подход к характеру. Пьеса М. Шатрова и режиссура О. Ефремова подсказывают артисту путь к воссозданию образа вождя революции в том направлении, как об этом думали К. Маркс и Ф. Энгельс, мечтая увидеть в образах вождей революции суровые рембрандтовские краски во всей их жизненной правде.

Психологическая точность, которая есть в работе артиста, это не точность бытового рисунка, китайского обихода. Ничего из этого рода подробностей в спектакле нет, его психологическая точность имеет другую точку отсчета: это внутренний мир человека, на плечи которого легла неминуемая тяжесть исторической ответственности, и эту ответственность он сознает и ею дорожит.

Александр Калыгин с непривычной обнаженностью темперамента показывает внутренний мир человека, строй его души, в которой гений политика, страсть революционера, смелость тактика слиты в единый и неделимый сплав. Артист играет трибуна, воскрешает особую ленинскую манеру говорить митингово, с необыкновенной концентрацией страсти, адресуясь одновременно к тысячам и к каждому отдельно. Можно сказать, что А. Калыгин играет публицистично, если бы эта публицистика не была насквозь пронизана сердечной болью артиста, который глубоко понимает движение ленинской мысли, разделяет его гнев, знает цену мучительных раздумий, тяжесть принятия решения, от которых зависят судьбы революции.

А. Калыгин в образе Ленина стремителен и напряжен до предела. Это ритм духовной и политической жизни вождя, которому нужно успеть оставить партию и народу завещание на будущее. Но близкую потерю предчувствует только по тому ритму, в котором живет и действует Ильич. Нужно успеть сказать самое главное, сделать самое существенное, записать сокровенное. Вот откуда это самосжигание, это нечеловеческое напряжение мысли.

Однако не только в этом секрет впечатляющей работы артиста. Он и в том, что впервые, пожалуй, мы видим на сцене высокий пафос ленинской жизни и мысли.

Работа Александра Калыгина — собирательная работа. В ней и опыт дальних и ближайших предшественников, и опыт артиста и гражданина, слитый воедино, чтобы сегодня в свете общественного и художественного опыта ввести в наш духовный обиход живой образ Ленина как наше знамя, силу и оружие.

И это делает его работу принципиальной победой в советской сценической Лениниане, от которой в ее истории пойдет новая линия творческого отсчета.

Заслуженный артист РСФСР Александр Калыгин.

Фото А. Рубашкина.